О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц*

СУХАНОВ Евгений Алексеевич, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заместитель председателя Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: civil@law.msu.ru

Автором рассматривается гражданско-правовой статус юридических лиц, созданных государством: унитарных предприятий и учреждений, не являющихся собственниками «своего» имущества, а также государственных корпораций и публично-правовых компаний, которые являются не корпорациями, а унитарными организациями, во многих случаях созданными для управления комплексом юридических лиц (российским аналогом континентально-европейского «господствующего предприятия» концерна).

Отмечены недостатки этого статуса в действующем законодательстве, в частности искусственное ограничение имущественной ответственности государственных юридических лиц перед контрагентами в условиях отсутствия субсидиарной ответственности публично-правовых образований по долгам созданных и контролируемых ими организаций. Критически освещены особенности правового положения государственных корпораций и публично-правовых компаний, а также их отдельных разновидностей, которые, несмотря на наименование, в действительности не являются даже «компаниями одного лица».

В качестве общего вывода указано на необходимость серьезного реформирования их гражданско-правового статуса и создания на их основе таких организационно-правовых форм юридических лиц, которые могли бы эффективно использоваться государством для управления созданными им юридическими лицами в условиях господства в экономике рыночных отношений, но при сохранении важной роли государственной собственности.

Ключевые слова: государственная компания, государственная корпорация, государственное предприятие, государственная собственность, государственные учреждения, имущественный оборот, имущественная ответственность, концерн, корпорация, гражданская правосубъектность, публично-правовая компания, юридическое лицо.

About Civil Legal Capacity of Public Legal Entities

E. A. SUKHANOV, head of the Department of civil law of the Law faculty of the Lomonosov Moscow State University, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation

1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

E-mail: civil@law.msu.ru

The author analyzes civil status of legal entities, created by the state: unitary enterprises and agencies that are not general owner of “their” property, and also public corporations and public companies, which are not corporations but unitary organizations created in many cases for management of the complex of legal entities (Russian analogue of the continental European “dominant enterprise” concern).

* В основе статьи доклад автора на XII Ежегодных научных чтениях памяти профессора С. Н. Братуся «Проблемы правосубъектности на современном этапе» (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 25 октября 2017 г.).

Problems of this status in the current legislation are marked, in particular, the artificial restriction of property liability of public legal entities to the counterparty in the absence of subsidiary liability of the public legal entities for the debts of organizations created and controlled by them. The peculiarities of the legal status of public corporations and public-law companies are critically illustrated, as well as their individual varieties, which, despite the name, in fact, are not even “companies of one person”.

As a general conclusion is indicated the need for serious reform of their civil status and creation on their basis such organizational-legal forms of legal entities, which could effectively be used by a state to manage the created legal entities in the conditions of domination in the economy of market relations, but under maintaining the important role of state ownership.

Keywords: public company, public corporation, state enterprise, state property, state agencies, a steam of commerce, property liability, concern, Corporation, civil legal personality public law company, legal entity.

DOI: 10.12737/art_2018_1_1

Государственные юридические лица как особые разновидности юридических лиц, не являющихся собственниками закрепленного за ними имущества, в массовом порядке возникли и широко использовались в отечественной экономике в период существования государственного планового хозяйства. Основной вклад в разработку новых для того времени юридических конструкций государственного предприятия, а затем государственного учреждения внесли выдающиеся российские ученые-юристы С. Н. Братусь и А. В. Венедиктов¹. Ими были логически обоснованы почти безупречные юридические конструкции, приспособленные для потребностей тогдашней экономики, которые успешно дожили до наших дней в значительной мере благодаря тому, что в современной российской экономике не только сохраняется, но и возрастает прямое или опосредованное участие федерального государства и других публичных собственников в имущественном обороте прежде всего через созданные ими юридические лица.

Более того, возрастает не только количество таких субъектов,

но и численность их организационно-правовых форм. Если до реформирования законодательства о юридических лицах² они в основном ограничивались традиционными унитарными предприятиями и учреждениями (лишь в середине 2000-х гг. к ним добавились государственные корпорации и государственная компания), то в ходе указанной реформы наряду с новыми госкорпорациями³ возникли еще и публично-правовые компании⁴. При этом, основываясь на положениях Концепции развития гражданского законодательства РФ⁵, можно было

² См.: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

³ См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”».

⁴ См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о публично-правовых компаниях).

⁵ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М., 2009. С. 66, 71; также см.: Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 56, 61.

¹ См.: Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947; Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950; Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. I. М., 2004.

ожидать по крайней мере законодательного запрета на создание новых унитарных предприятий и госкорпораций, но никак не появления вместо этого новой разновидности государственных юридических лиц, относительно которой даже ее инициаторы испытывали колебания, первоначально пытаясь включить в нее также и госкорпорации.

Причины их возникновения и особенности гражданско-правового статуса нуждаются в особом теоретико-правовом осмыслении. Их появление вызвало неоднозначную оценку как в доктрине, так и в законопроектной деятельности. Госкорпорации критически оценивались уже в Концепции развития гражданского законодательства РФ⁶, одобренной Президентом РФ в 2009 г. и ставшей основой указанной реформы, а варианты законопроекта о публично-правовых компаниях были отрицательно оценены Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства⁷. Этим объясняется и то обстоятельство, что действующий ГК РФ, следуя закреплённому теперь в п. 2 ст. 48 принципу *numerus clausus* юридических лиц, содержит лишь упоминания о публично-правовых компаниях (подп. 11 п. 3 ст. 50) и о государственных корпорациях (подп. 14 п. 3 ст. 50), но не посвящает им ни одной специальной статьи. Дело в том, что рабочая группа, готовившая проект новой редакции

ГК РФ, противилась включению в обновленные нормы его гл. 4 правил о не вполне понятном статусе этих новых видов юридических лиц, тем более что Концепция развития гражданского законодательства РФ предусматривала постепенный перевод госкорпораций в традиционные организационно-правовые формы. В результате публично-правовые компании были названы в п. 3 ст. 50 ГК РФ на два года раньше уже существовавших к тому времени госкорпораций.

В настоящее время действующее законодательство и прежде всего Гражданский кодекс РФ закрепляет четыре самостоятельных вида государственных юридических лиц: государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные и муниципальные учреждения, государственные корпорации и публично-правовые компании, и каждый из этих видов имеет разновидности:

1) среди государственных и муниципальных унитарных предприятий — казенные предприятия;

2) среди государственных и муниципальных учреждений — казенные, бюджетные и автономные учреждения;

3) среди государственных корпораций — существующая в единственном числе государственная компания «Росавтодор»⁸;

4) среди публично-правовых компаний — Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства⁹.

⁶ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 70—71.

⁷ См. экспертные заключения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24 сентября 2012 г. и от 25 февраля 2013 г. (Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 139—145; 2013. № 2. С. 109—132).

⁸ Ст. 7¹ и 7² Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Закон о некоммерческих организациях) отдельно регулируют статус госкорпораций и госкомпаний, однако подп. 14 п. 3 ст. 50 ГК РФ в действующей редакции не упоминает о государственной компании, подразумевая, что она является особой разновидностью госкорпорации.

⁹ Это прямо следует из п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защи-

Большинство из них формально представляют собой некоммерческие организации, хотя применительно к ряду госкорпораций и к публично-правовым компаниям это вызывает сомнения. Но все они, включая унитарные предприятия как коммерческие организации, в силу п. 1 ст. 49 ГК РФ обладают специальной (целевой) правоспособностью, т. е. наделены известным образом ограниченной способностью участия в гражданском обороте и теми или иными ограничениями имущественной ответственности (кроме унитарных предприятий). Едва ли можно всерьез говорить о том, что перечисленные виды и подвиды государственных юридических лиц составляют единую продуманную систему, в то же время не следует также сводить рассматриваемую ситуацию исключительно к недостаткам и погрешностям законодательного развития.

Дело, очевидно, заключается в другом — в необходимости обоснования и разработки современной системы организационно-правовых форм участия государства и других публичных собственников (регионов, муниципальных образований) в имущественном обороте. При этом экономически необходимое участие в гражданских правоотношениях юридических лиц, созданных и прямо или косвенно контролируемых публично-правовыми образованиями, безусловно должно учитывать как специфику гражданско-правовых отношений, являющихся взаимоотношениями товаровладельцев — частных собственников своего имущества, так и экономико-правовую сущность самой конструкции юридического лица. Оно, как известно, представляет собой способ исключения или ограни-

чения имущественной ответственности учредителей (участников) путем создания нового субъекта права — собственника, который и несет самостоятельную имущественную ответственность, т. е. неизбежные риски участия в обороте, за счет имущества, которым его наделили учредители (учредитель). Иначе говоря, в основе создания и действия всякого юридического лица лежит фундаментальный принцип разграничения (в корпоративном праве он называется принципом разделения — *Trennungsprinzip*) имущества и ответственности юридического лица и его учредителя, которым в данном случае является создавшее его за счет своего имущества публично-правовое образование.

Если государство как учредитель, используя свои властные полномочия, искусственно ограждает имущество «своих» юридических лиц (а по существу — свое имущество) от полной ответственности перед контрагентами (кредиторами), в том числе путем исключения возможности их банкротства, то оно должно принимать этот риск на себя и нести субсидиарную имущественную ответственность за действия созданных и контролируемых им формально самостоятельных участников оборота. Такой подход определяет гражданско-правовой статус используемой в континентально-европейских правовых порядках конструкции юридического лица публичного права. В противном случае появляются все основания считать, что имущественно «безответственные» (государственные или муниципальные) юридические лица расшатывают и подрывают товарно-денежный оборот и основанное на нем рыночное хозяйство. Таковыми, например, в отечественном правовом порядке стали государственные и муниципальные автономные и отчасти бюджетные учреждения, отвечающие по своим долгам лишь денежными средствами и малоценным движимым имуществом (п. 3 ст. 123²¹

те прав граждан — участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

и п. 5, 6 ст. 123²² ГК РФ). Применительно к унитарным предприятиям, самостоятельно отвечающим по долгам всем своим имуществом, публично-правовые образования в качестве их учредителей и собственников имущества получили весьма широкие возможности оспаривания сделок «своих» предприятий и виндикации «их» имущества¹⁰, никак не соответствующие конституционному принципу равной защиты всех форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ).

В этих условиях все более очевидным становится несоответствие таких организационно-правовых форм, как унитарные предприятия и учреждения, не являющиеся собственниками своего имущества, условиям рыночного оборота. К сожалению, отечественный законодатель не только не стремится хотя бы ограничить их численность и возможности создания новых предприятий, но и устраняет субсидиарную ответственность учредителей публичных учреждений¹¹, откровенно преследуя фискальные интересы. Эта линия ясно прослеживается и в законодательстве, определяющем гражданско-правовой статус государственных корпораций и публично-правовых компаний. Так, Закон о публично-правовых компаниях в п. 2 ст. 6 установил возможность определения Правительством РФ перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание кредиторов таких юридических лиц (при этом они не могут быть объявлены банкротами). Более того, по решению наблюдательного совета лю-

бая часть имущества, т. е. активов такой компании, не обремененных никакими обязательствами, может быть безвозмездно передана ею (по сути, возвращена) в федеральную собственность, что делает ее кредиторов еще более незащищенными. И это при том, что такая некоммерческая организация пользуется неограниченным правом выпуска облигаций, не говоря уже о широких возможностях ведения «деятельности, приносящей доходы», т. е., иными словами, предпринимательской (п. 6 ст. 5 и подп. 16 п. 1 ст. 9 Закона о публично-правовых компаниях). Аналогичным по сути гражданско-правовым статусом обладают и некоторые госкорпорации. Все это, разумеется, ни в коей мере не соответствует правосубъектности обычного участника имущественного оборота и превращает такого субъекта в весьма опасного контрагента.

Довольно странно выглядит и избранная законодателем «корпоративная» форма такой унитарной по сути организации. В госкорпорациях и публично-правовых компаниях не только изначально нет и не может быть никакого членства и никаких долей (паев, акций) в имуществе (капитале); они не могут рассматриваться и в качестве «компаний одного лица». Ведь последние, действительно сохраняя корпоративную, а не унитарную природу, в случае необходимости в любой момент по решению своего единственного участника могут «раскрыться», предложив приобрести свои доли (паи, акции) иному лицу или лицам. Последние в обмен на свои инвестиции (внесенные в счет оплаты полученных долей) приобретут соответствующие права на участие в управлении и прибылях корпорации, а также обязанности по несению соответствующих убытков (т. е. доли риска). В унитарной организации речь может идти лишь о ее обращении к своему учредителю с просьбой о предоставлении дополнительных безвозмездных инвестиций (имуще-

¹⁰ См. п. 3 и 4 ст. 20 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».

¹¹ См. Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

ства). Если же компания изначально лишена возможности «раскрыться» с целью привлечения новых инвесторов и в силу закона и устава вправе функционировать только в виде «компании одного лица», то это означает, что в действительности она не является компанией, а лишь искусственно использует «корпоративную оболочку».

Госкорпорации и публично-правовые компании изначально объявлены их учредителем — федеральным государством унитарными юридическими лицами, т. е. корпорациями без членства («не имеющими членства некоммерческими организациями», как прямо указано в абз. 1 п. 1 ст. 7¹ и в п. 1 ст. 7² Закона о некоммерческих организациях). Такая юридическая конструкция может вызвать недоумение¹², если не учитывать стремления Министерства экономического развития РФ (фактического инициатора большинства из упомянутых законодательных актов) постоянно следовать в законодательстве исключительно американским образцам. В данном случае таковыми стали *public corporations* (или *public benefit companies*), которые в системе *common law* имеют особый правовой статус, урегулированный специальным законодательством, а не законами о коммерческих корпорациях.

Впрочем, объяснение этому можно видеть и в непоследовательности современного отечественного законодателя, который далеко не всегда строго использует принятую им же

терминологию. Так, уже упоминавшийся «Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства» согласно Федеральному закону от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ является «публично-правовой компанией в организационно-правовой форме фонда», возникшей путем преобразования из одноименного фонда в названный Фонд. То обстоятельство, что первоначальная редакция Закона о публично-правовых компаниях допускала их создание исключительно путем реорганизации (преобразования) акционерных обществ со стопроцентным участием федерального государства (т. е. «компаний одного лица»), ни в коей мере не смутило инициаторов этого Закона. Ведь они добились изменения (дополнения) Закона о публично-правовых компаниях, допустившего их существование в организационно-правовой форме фонда (хотя лишь для одного конкретного случая — Фонда защиты прав граждан — участников долевого строительства).

Едва ли, впрочем, стоит всерьез анализировать очередные законодательные противоречия и недоработки тех, по чьей инициативе возникали и другие, не менее одиозные корпоративные формы (вроде тайно управляемых третьими лицами хозяйственных партнерств или специализированных обществ, которым запрещено иметь советы директоров и создавать другие коллегиальные органы, объявлять и выплачивать дивиденды и даже иметь наемных работников). Главное состоит в другом — все эти попытки, безусловно неудачные с организационно-правовой точки зрения, по-видимому, все же неслучайны. Они свидетельствуют о существовании объективной потребности в создании юридических лиц, которые могли бы эффективно использоваться государством для управления созданными им юридическими лицами, поскольку эти последние продолжают играть важную роль в отечественной экономике.

¹² Впрочем, теперь в отечественном правовом порядке появились и унитарные организации с фактическим «членством»: согласно п. 6 и 8 ст. 123²⁴ ГК РФ учредители автономной некоммерческой организации (АНО) уже после ее создания и государственной регистрации продолжают нести в отношении нее некоторые права и даже обязанности, а их состав может меняться по их единогласному решению. Тем самым АНО из унитарной организации превращается в корпорацию ее учредителей.

Российское государство на протяжении многих десятилетий активно участвовало в экономических отношениях, в том числе создавая для этого полностью подконтрольные ему юридические лица. Под моделью огосударствленной плановой экономики были созданы унитарные предприятия с правом оперативного управления на имущество, остающееся в собственности государства-учредителя. Для управления ими использовались различные государственные органы с правами юридических лиц (тресты, наркоматы и главки, совнархозы и министерства). При этом имущественная самостоятельность таких органов усиливалась по мере нарастания в тогдашней плановой экономике товарно-денежных элементов. Достаточно вспомнить созданные в 1973—1974 гг. производственные объединения — комплексы взаимосвязанных производственных предприятий с общей (единой) гражданской правосубъектностью, в которых юридическими лицами были не отдельные предприятия, а их объединения в целом, а также управления промышленных объединений — юридические лица, возглавлявшие системы и подсистемы самостоятельных юридических лиц — предприятий и объединений. С середины 1980-х гг. на базе отраслевых министерств стали создаваться правосубъектные концерны и ассоциации (например, союзное Министерство газовой промышленности было преобразовано в Государственный концерн «Газпром»).

После начала приватизации отечественной экономики в 1990-е гг. имела место неудачная попытка создания неправосубъектных «финансово-промышленных групп» (ФПГ), в которые предполагалось на добровольных началах объединять как созданные на базе госпредприятий частные корпорации, главным образом, в организационно-правовой форме акционерных обществ (причем и основные («материнские»), и их «дочерние» компании), так и остав-

шиеся в государственной собственности унитарные предприятия, а также частные кредитные и даже некоторые некоммерческие организации¹³. Предполагалось, что такую ФПГ будет возглавлять специальное юридическое лицо — «центральная компания» в форме хозяйственного общества (акционерного или с ограниченной ответственностью), а все ее участники — как частные корпорации, так и публичные унитарные предприятия и некоммерческие организации в соответствии со ст. 14 Федерального закона «О финансово-промышленных группах» должны нести неограниченную солидарную ответственность по ее долгам.

Такой подход заключал в себе принципиально ошибочное смешение рыночных и нерыночных элементов и форм: управление государственными (публичными) унитарными предприятиями, находящимися в составе ФПГ, предполагалось передать не государственному органу, а частной центральной компании (хозяйственному обществу), причем ей же одновременно подчинялись и другие хозяйственные общества, в капиталах которых она не участвовала. При этом солидарная ответственность по ее обязательствам юридических лиц с принципиально различным статусом (хозяйственных обществ, унитарных предприятий и некоммерческих организаций), как минимум, не побуждала их к развитию внутрикорпоративных взаимоотношений. Вся эта ситуация никак не отвечала реальному состоянию и задачам тогдашней отечественной экономики.

Вместе с тем опыт высокоразвитых правовых порядков показывает, что и в рыночных условиях крупные и средние компании чаще всего выступают не вполне самостоятельно, а в той или иной взаимосвязи с другими компаниями: либо на-

¹³ См. Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» (утратил силу).

ходясь под чьим-либо контролем, либо, напротив, контролируя кого-либо, либо взаимно участвуя в капиталах друг друга. В современной предпринимательской деятельности такие ситуации давно стали не исключением, а правилом. Известно, например, что в настоящее время в Германии до 90% всех акционерных обществ и свыше 50% обществ с ограниченной ответственностью, а в Англии почти все публичные компании (public limited companies, PLC) и значительная часть частных компаний (private limited companies, Ltd.) организованы в концерны или в объединения холдингового типа¹⁴, находясь в разнообразных взаимоотношениях подчиненности и зависимости. Разумеется, эта ситуация касается отношений частной, а не публичной собственности, ибо такие взаимосвязи могут существовать лишь на основе участия в капиталах частных компаний и исключают возможность прямого административного подчинения, которое столь же необходимо и неизбежно в управлении государственными унитарными предприятиями.

В целях управления государственным (публичным) имуществом континентально-европейские правовые порядки традиционно используют конструкцию юридического лица публичного права. Такие правосубъектные организации всегда являются унитарными субъектами гражданского оборота и находятся под полным контролем своих учредителей. Они не могут быть объявлены банкротами и потому практически повсеместно действуют под неограниченную субсидиарную ответственность создавших их учредителей (в том числе публично-правовых образований), но их количество измеряется буквально едини-

цами¹⁵. С этой точки зрения данная модель едва ли может быть признана подходящей для использования в отечественном правовом порядке, где количество публично-правовых предприятий и учреждений исчисляется десятками и сотнями тысяч, а публично-правовые образования как учредители стремятся к максимальному ограничению или полному исключению своей субсидиарной ответственности по долгам созданных ими юридических лиц.

В современной российской государственно-капиталистической экономике с сохраняющейся ключевой ролью государственной собственности сосуществуют как формально частные хозяйственные общества со значительным участием государства, так и унитарные государственные предприятия. Это обстоятельство предопределяет необходимость эффективного государственного управления такими юридическими лицами с использованием рыночных и административных правовых форм, т. е. налицо известное смешение разнородных подходов. Поиском таких форм можно объяснить появление унитарных корпораций, не являющихся «компаниями одного лица». Ведь три из шести имеющих государственные корпораций (Росатом, Ростехнологии и Роскосмос), а также единственная государственная компания (Росавтодор) фактически представляют органы управления с правами самостоятельных юридических лиц, в прямом или косвенном подчинении которых находятся комплексы других самостоятельных организаций — хозяйственных обществ и

¹⁴ См.: *Tholen L. Europäisches Konzernrecht. Eine Untersuchung auf der Grundlage eines Vergleichs des deutschen und englischen Rechts / Schriften zum Internationalen Recht. Bd. 194. Berlin, 2014. S. 19, Fußn. 1.*

¹⁵ Так, в торговом реестре Швейцарии среди примерно 300 тыс. корпораций (главным образом, хозяйственных обществ, товариществ и кооперативов) находится всего 116 юридических лиц публичного права (в том числе публичных корпораций) (см.: *Meier-Hayoz A., Forstmozer P. Schweizerisches Gesellschaftsrecht. Zehnte Aufl. Bern, 2007. S. 761).*

государственных унитарных предприятий (ГУП).

Но если контроль и управление хозяйственными обществами должны осуществляться через решающее участие в их уставных капиталах, то ГУП могут управляться не иначе как их учредителями-собственниками на основе административных (публично-правовых) отношений. Распространение ГУП (несомненно, являющихся реликтами прежнего правопорядка и неизвестных никаким иным правопорядкам, основанным на рыночной организации хозяйства) исключает широкое использование классических организационно-правовых форм концернов, групп компаний или компаний холдингового типа, поскольку и те, и другие строят взаимоотношения с подчиненными и (или) зависимыми корпорациями на основе прямого, взаимного или перекрестного владения их долями (акциями). Но это невозможно для унитарных предприятий и побуждает к поиску иных организационно-правовых форм в сфере отношений государственной собственности. К одной из них следует отнести государственные корпорации (во всяком случае их основную часть).

Статус публично-правовых компаний, близких к государственным корпорациям по характеру стоящих перед ними задач и выполняемых функций (что и повлекло объективные законодательные сложности разграничения их статуса со статусом госкорпораций), также во многом рассчитан либо на создание ими других юридических лиц (коммерческих и некоммерческих организаций, не исключая унитарных предприятий), либо на участие в уставных капиталах имеющих компаний (подп. 2 п. 4 ст. 5 Закона о публично-правовых компаниях)¹⁶. Иначе говоря, речь также идет

о возможном управлении ими системой (группой) соответствующих юридических лиц, которое становится невозможным при придании таким унитарным компаниям классической корпоративной формы, поскольку в нее не укладывается возможность управления по крайней мере ГУП и другими унитарными организациями. Таким образом, государственные корпорации и публично-правовые компании можно рассматривать в качестве унитарных государственных юридических лиц, в основном создаваемых в целях управления комплексами (группами) других самостоятельных юридических лиц, прямо или косвенно контролируемых федеральным государством (теоретически возможно и другими публично-правовыми образованиями).

Разумеется, необходимо иметь в виду, что в действительности ни госкорпорации, ни публично-правовые компании не являются самостоятельными видами (особыми организационно-правовыми формами) юридических лиц, поскольку этими категориями охватывается правовой статус организаций, совершенно разнородных по характеру осуществляемой ими деятельности и стоящих перед ними задач. Если половина имеющихся госкорпораций (и госкомпания «Росавтодор») возглавляют группы фактически подчиненных им юридических лиц, то Внешэкономбанк и Агентство по страхованию вкладов в действительности представляют коммерческие организации (банк и страховую компанию), а Фонд содействия реформированию ЖКХ — классический фонд (некоммерческую ор-

ет рассматривать как «концерновую оговорку» (*Konzernklausel*), свидетельствующую о возможности или о намерениях соответствующей компании создать объединение типа концерна или участвовать в нем («оговорка о намерениях» — *Absichtsklausel*) (см.: *Haberer T., Krejci H. (Hrsg.). Konzernrecht. Handbuch. Wien, 2016. S. 50—51.*)

¹⁶ С позиций континентально-европейского права концернов такую запись в законе и уставе конкретной корпорации следу-

ганизацию)¹⁷. Что касается публично-правовых компаний, то в связи с законодательным объявлением их разновидностью некоммерческого фонда (Фонда защиты прав граждан — участников долевого строительства)¹⁸ их статус также потерял какую бы то ни было специфику и превратился в такое же собирательное понятие, как и бессодержательная с гражданско-правовых позиций категория «государственная корпорация». Более того, теперь возникает закономерный вопрос о целесообразности параллельного существования госкорпораций и публично-правовых компаний и о возможности появления на их основе новой организационно-правовой формы юридического лица, отражающей его существо как органа управления самостоятельными юридическими лицами (по типу когда-то использовавшихся форм государственных концернов или ассоциаций).

Но в любом случае становится очевидным, что и в условиях смешанной экономики невозможно ограничиться использованием только юридических конструкций хозяйственных обществ или их комбинациями (типа холдингов или групп компаний). Неизбежно возникает потребность в особом виде государственной организации с самостоятельной гражданской правосубъектностью, предназначенной для управления

государственными предприятиями и (или) контролируемыми государством компаниями. При этом цель создания таких юридических лиц и характер стоящих перед ними задач предопределяют некоммерческий характер их основной деятельности. Вместе с тем их гражданская правосубъектность, оформляющая их необходимое участие в имущественном обороте, столь же неизбежно требует либо неограниченной субсидиарной ответственности учредителя по их долгам (по типу юридических лиц публичного права), либо снятия всех ограничений их самостоятельной имущественной ответственности. Во втором случае речь идет об исключении возможности появления у такого юридического лица какого-либо имущества, защищенного от взыскания кредиторов; о запрете свободной передачи своему учредителю имущества, не обремененного долгами; признании возможности его банкротства и т. д. Ни государственные корпорации, ни публично-правовые компании, в силу закона обладающие различными имущественными привилегиями по сравнению с другими участниками гражданского оборота, не отвечают ни одному из указанных подходов, а потому их гражданско-правовой статус нуждается в коренном реформировании. Недопустимым также представляется использование для определения статуса унитарных юридических лиц корпоративной терминологии, которая не только не отражает существо регулируемых отношений, но и способна ввести в заблуждение других участников гражданских правоотношений. Устранение указанных недостатков действующего законодательства, определяющего гражданско-правовой статус государственных корпораций и публично-правовых компаний, может способствовать созданию действительно необходимого для отечественной экономики нового вида государственных юридических лиц.

¹⁷ См.: Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект). С. 66—69.

¹⁸ Вместе с тем указанный некоммерческий фонд вправе осуществлять эмиссию облигаций, а также вести «иную приносящую доход деятельность», а на средства принадлежащего ему на праве собственности компенсационного фонда не может быть обращено взыскание по его обязательствам, например по обязательствам перед облигационерами (п. 2 ст. 3, п. 4 ст. 5 и п. 6 ст. 10 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ). Все это также делает его крайне опасным для кредиторов участником гражданского оборота.

Вместе с тем логически стройной, непротиворечивой системой юридических лиц пока не может похвастаться не только российский, но и никакой другой современный правопорядок. Дело в том, что отдельные виды юридических лиц в конкретном правопорядке возникают и существуют не только в результате сознательного стремления законодателя закрепить те или иные

их разновидности, заполняя этим пустые «клеточки» в некоей заранее продуманной таблице, но и вследствие тех или иных конкретных особенностей социально-экономического и национально-исторического развития. Появление новых видов юридических лиц в российской смешанной экономике как нельзя лучше подтверждает это обстоятельство.

Библиографический список

- Haberer T., Krejci H. (Hrsg.). Konzernrecht. Handbuch. Wien, 2016.
- Meier-Hayoz A., Forstmozer P. Schweizerisches Gesellschaftsrecht. Zehnte Aufl. Bern, 2007.
- Tholen L. Europäisches Konzernrecht. Eine Untersuchung auf der Grundlage eines Vergleichs des deutschen und englischen Rechts / Schriften zum Internationalen Recht. Bd. 194. Berlin, 2014.
- Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
- Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
- Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. I. М., 2004.
- Вестник гражданского права. 2012. № 5; 2013. № 2.
- Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М., 2009.
- Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. 2009. № 2.

Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)

ГАДЖИЕВ Гадис Абдуллаевич, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская площ., 1
E-mail: ksrf@ksrf.ru

В статье рассматривается вопрос об определении правового статуса роботов посредством категорий классической теории о лицах. Юридическое понятие «лицо», будучи общим для философии, психологии, экономики, имеет колоссальное значение для всех общественных наук. Имея множество интерпретаций, в современной цивилистической науке данное понятие стало наиболее эластичным. Вместе с тем появление цифровой экономики актуализировало изучение традиционной проблемы правоспособности лиц, участвующих в имущественных отношениях.

Вопрос о признании роботов полностью правосубъектными и придании им статуса «лица» еще не является актуальным, поскольку на данном этапе развития технического прогресса их действия неразрывно связаны с производителем и владельцем. Однако в дальнейшем создание автономного искусственного интеллекта повлечет потребность в легитимизации признания юридической личности у высокоразвитой робототехники.

Для создания системы правового регулирования в цифровом пространстве полезно приращение конструкций, разработанных междисциплинарным научным направлением «Право